18 июня 2013 года в Чапаевском районе Самарской области, близ поселка Нагорного, взорвались боеприпасы, хранящиеся на федеральном казенном предприятии «Приволжский государственный испытательный полигон» (ФКП «ПГИП»). Как оказалось, полигон не принадлежит военному ведомству. Видимо, поэтому никаких комментариев по поводу случившегося мы от Министра обороны Сергея Шойгу не услышали.

Справка «Вестей»
ФКП «Приволжский государственный боеприпасный испытательный полигон» – стратегическое предприятие, имеющее статус Государственного боеприпасного полигона России. Сфера деятельности предприятия – оказание услуг по испытаниям, сборке и уничтожению боеприпасов.
Основное направление деятельности полигона – испытания широкой номенклатуры обычных видов боеприпасов, образцов вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ) в системе оценки качества и надежности военной продукции, поставляемой по Государственному заказу в интересах Министерства обороны РФ, а также опытных образцов боеприпасов, образцов ВВСТ, элементов ракетной и авиационной техники по заказам НИИ и КБ.
Наличие производственной базы, нормативной и технической документации, производственного персонала соответствующей квалификации, организационных и разрешительных документов позволяет осуществлять проведение следующих видов испытаний боеприпасов:
1. стрельбовые испытания;
2. трековые испытания;
3. климатические испытания;
4. динамические испытания;
5. испытания подрывом в статических условиях;
6. испытания пусками из пусковых установок.
Для осуществления сбор-
ки различных изделий предприятие располагает необходимыми производственными мощностями и квалифицированным персоналом.
Помимо испытаний и сборки изделий полигон занимается утилизацией бое-припасов с истекшим сроком хранения, производит уничтожение отходов и брака промышленных взрывоматериалов, поступающих с других предприятий и организаций, не имеющих своих площадок для уничтожения.
За последние двадцать лет взрывы и пожары на военных складах с боеприпасами происходили с пугающей частотой. Журналисты насчитали их около тридцати. Особенно обильный урожай подрывов военных складов собрал Сергей Иванов. Он был Министром обороны без малого шесть лет (с марта 2001 года по февраль 2007 года). При нем восемь раз взлетали на воздух военные арсеналы. Второе место среди министров-«подрывников» занимает Игорь Сергеев. Ему выпало шесть подрывов за четыре года (с 1997 года по 2001 год). Третьим «подрывником» по праву считается Анатолий Сердюков. В его бытность МО РФ (с 2007 по 2012 год) в течение пяти лет на военных складах громыхнуло шесть раз.
На сегодняшний день виновниками трагедий (лишь три подрыва не сопровождались человеческими жертвами) названы командиры всех утилизированных взрывным

способом арсеналов. Сняты с должности двое командующих тихо-океанским флотом – адмирал Игорь Хмелев (1992 год) и через два года назначенный вместо него адмирал Георгий Гуринов, он командовал камчатской военной флотилией с 1986 по 1989 годы. Затем был начальником штаба Черноморского флота и в 1992 году назначен командующим ТОФ.
Об Игоре Хмелеве жалеть особо не приходилось. В 1992 году на Русском острове в учебном отряде умерли четыре матроса от истощения. В это трудно поверить, что в 1989-ом году военнослужащие Советской Армии умирали от голода под носом у командующего флотом (остров Русский виден из окон штаба Тихоокеанского флота). И еще, именно при адмирале Хмелеве командование Тихоокеанского флота стало стремительно коммерциа-лизироваться, т.е. извлекать коммерческую выгоду из своего служебного положения. Позже это назвали коррупцией.
Что касается адмирала Георгия Гуринова, то он попал «под горячую руку». С 1992 по 1995 год в Приморье на воздух отправилось около десятка военных складов. И взрыв арсенала авиации ТОФ в поселке Новонежино (Приморский край) поставил крест на карьере командующего флотом адмирала Гуринова. Жаль, что пострадал уважаемый флотским офицерским корпусом адмирал. Он был исключительно грамотным, выдержанным военачальником. После него, к сожалению, выросла плеяда либо самодуров, либо трусливых карьеристов, либо серых, неприметных функционеров с передаточными функциями «приказ получил – приказ передал». Но кто бы ни приходил «на царство», боеприпасы продолжали взрываться, как повелось, не в том месте и не в то время.
Почему склады взрываются? На этот вопрос всегда пытаются ответить комиссии по расследованию причин взрывов или возникновению пожаров на военных складах. Их задача – найти «стрелочника», а не выявить системные ошибки. Даже найдя непосредственных виновников возгорания, например, контейнера вместе с ракетой и последующими взрывами, как это было в Новонежино, комиссия не поднимается выше уровня банального обличения матросского (солдатского) разгильдяйства. И даже при установлении этого разгильдяйства все равно наказывают начальников. Если матрос втихаря покурил на территории арсенала (что категорически запрещено), да еще бросил окурок не туда, значит, виноват командир. Он не поймал на лету окурок, не плюнул на него обильной слюной, а также не обыскал матроса, раздев того до трусов. И главное, он плохо проинструктировал военнослужащего перед проведением каких-либо работ на территории военного склада. Незамысловатую логику высшего военного руководства в обнаженном виде можно пояснить с помощью незамысловатого примера: если ты говоришь совершеннолетнему российскому организму волшебное слово «Нельзя!», а тот все равно считает «можно», значит, виноват тот, кто недостаточно убедительно произносит это волшебное слово.
Отвлечемся немного от военнослужащих. Приведу пример из гражданской жизни. Не будем опускаться до пьянства за рулем. Пить за рулем, как известно, нельзя, но все равно пьют. Есть более красноречивый пример. За последние два года в Елизовском аэропорту при регистрации пассажиров на самолеты «Аэрофлота» задержали шесть шутников, заявивших, что у них в сумке находится бомба. Каждый раз шутников снимали с рейса, возбуждали против них уголовные дела. Об этом рассказывали все местные СМИ, вывешивали соответствующие объявления в здании аэровокзала, но… не помогает. В очередной, седьмой раз, 24 июня этого года 32-летний пассажир рейса

«Аэрофлот» Пет-
ропавловск-Камчатский – Владивосток объявил, что у него в сумке бомба. Пошутил… Рейс, как водится, отложили, великовозрастного придурка сняли с рейса и возбудили уголовное дело.
Теперь вернемся к пьянству за рулем. Если пьяный водитель может не попасться, не совершить аварию, то подобные «бомбисты» попадаются в ста случаях из ста. Зачем тогда, спрашивается, шутить? Если следовать логике военных, виновата служба безопасности аэропорта и «Аэрофлот». Плохо инструктируют пассажиров. Нашу неизбывную российскую ухарскую дурь иностранцы нередко принимают за злой умысел. Поэтому брать поправку на дурака в России будет злободневно еще очень длительное время.
Поправка на дурака в Российской армии – вопрос философский. Матрос Гробов, трюмный машинист, сумел на атомной подводной лодке «Нерпа» запустить в обход всех блокировок (он их отключил одну за другой) станцию объемного химического пожаротушения. В результате погибли 20 человек. Гробову было интересно или скучно? Вместе с ним на скамью подсудимых отправили командира подлодки. Посадить за решетку одного матроса, с точки зрения следствия, выглядело чересчур легковесно в общественном мнении. Нужна была фигура потяжелее. Непосредственный начальник матроса Гробова, командир трюмной группы имел звание «старший лейтенант» и, похоже, не подходил под статусный ранжир. Впрочем, как и все последующие должностные лица на подлодке. Только командир атомохода выглядел достаточной жертвой на алтаре социально-политической целесообразности.
Примерно по такой же схеме работает военная фемида, расследуя взрывы и пожары на арсеналах МО РФ. Разумеется, дело не только в дураках. Количество военных складов, взлетевших на воздух, неправдоподобно велико, чтобы винить в этом одних только разгильдяев-матросов и нерадивых командиров. Не исключено, что в двух-трех случаях имела место диверсия: подожгли, чтобы не обнаружили недостачу боеприпасов. Вероятность подобного развития событий невысока, но сбрасывать ее со счетов нельзя. Нужно искать то, что объе-диняет все пострадавшие арсеналы. И, сопоставляя косвенные данные, попытаться найти какую-либо закономерность. В советские времена военные склады с боеприпасами тоже регулярно взрывались и горели. Мы о тех взрывах мало что знаем из-за советской цензуры. Тогда было запрещено сообщать о каких-либо чрезвычайных событиях и публиковать печальную статистику (например, данные о смертности населения). В ЦК КПСС понимали, чем меньше народ знает о происшествиях, тем легче его убеждать в правильности выбранного коммунистической партией пути развития страны. Пожалуй, самый громкий взрыв в эпоху развитого социализма прогремел на минно-торпедной базе Северного флота в 1985 году недалеко от Североморска. Очевидцы рассказывали, как от мощной ударной волны в квартирах вылетели стекла, а затем над сопками поднялся настоящий клубящийся гриб. Среди гражданского населения и тыловых частей началась паника. На подвод-ных лодках и надводных кораблях сыграли «боевую тревогу». Все подумали, что началась термоядерная война. В те времена следствие тоже остановилось на версии – виноват окурок, т.е. разгильдяй-матрос, командир воинской части и командующий Северным флотом. Разумеется, военные склады не взрывались тогда так часто и не вызывали такого шквала вопросов к военному ведомству. Подавляющее большинство подрывов объединяет одно обстоятельство: боеприпасы на всех хранились с

нарушением нормативов. Причины тому были разные, но главная – неконтролируемое накопление боезапаса с вышедшими сроками хранения, отсутствие достаточных ресурсов для утилизации и массовое привлечение неподготовленного личного состава к работам с боезапасом из-за низкого уровня механизации работ на территории арсеналов.
Среди названных причин особо следует выделить первую. Как известно, к началу 80-х годов Советская Армия находилась на пике своего могущества. Мы обладали самым большим парком танков, самоходных орудий, артиллерийских и реактивных систем в мире. У нас было самое большое количество надводных кораблей, подводных лодок и боевых самолетов. Следовательно, на наших складах накапливались снаряды, ракеты и другие боеприпасы. Списывались танки и корабли, менялись на новые, с новым вооружением, а старые снаряды и ракеты еще хранились на складах. Их не успевали уничтожать.
С развалом СССР ситуация ухудшилась. Россия вынуждена была вывозить боеприпасы с территории братских республик и складировать на неподготовленных должным образом площадках. Сокращение ВС РФ привело к еще большему наращиванию взрывного потенциала на военных складах. Представьте себе: сокращают из трех в/ч, т.е. артскладов – два. Куда складывают снаряды с двух сокращенных воинских частей? Правильно – в третью. Так произошло с чукотской 99-ой дивизией нашего камчатского армейского корпуса. Весь запас снарядов, хранящийся на Чукотке, перевезли на военный склад недалеко от поселка Южные Коряки. Боезапас со списанных военных кораблей свезли туда же. Добавьте туда же снаряды, хранившиеся на артскладе Аммональной пади в черте Петропавловска-Камчатского, в полутора километрах от жилых массивов улицы Пономарева и в восьмистах метрах от военно-морского госпиталя. Снаряды свезли в Южные Коряки, подальше от города. На военном арсенале в Южных Коряках не было возможности для хранения такого количества взрывоопасных изделий. Но больше их хранить было негде!
Печальная развязка не заставила себя долго ждать. 1 октября 2005 года артсклад в Южных Коряках взорвался. Официальная версия следствия не отличалась от многих предыдущих. Как оказалось, громыхнуло: «…из-за нарушения правил пожаро-взрыво-безопасности при проведении регламентных работ». Была и другая версия – обрушение стеллажей со снарядами с последующей случайной детонацией одного из них. Но эту версию отвергли, как неудобную. Командира воинской части судили. Он оказался единственным, кто получил ранение (контузию) в те драматические дни. С тех пор прошло почти восемь лет. К настоящему времени на территории пострадавшего артсклада должно быть построено восемь хранилищ. Не построено ни одного!
Командиры взрывоопасных воинских частей давно превратились в заложников неодолимых обстоятельств. У государства нет необходимых денег на строительство защищенных надлежащим образом хранилищ, на максимальную механизацию погрузочно-разгрузочных и регламентных работ, в целом, на создание надежной и бе-зопасной инфраструктуры для хранения и утилизации взрывоопасных устройств.
Помимо проблемы неконтролируемого накопления боеприпасов, существует не менее опасная проблема – их старение. Как поведут себя при длительном хранении взрывчатые вещества и технические устройства, с уверенностью предсказать никто не берется. Известны случаи, когда при перегрузке снаряд самопроизвольно вываливался

из гильзы и детонировал. Так случилось в 1992 году, когда произошел взрыв на судне ВТР-76. При выгрузке из трюма артбоеприпасов погиб один матрос срочной службы, второму оторвало ногу. По счастливой случайности это был последний снаряд в трюме. Иначе военный транспорт пополнил бы список железных утопленников ВМФ.
В списке причин возгорания складов иногда фигурируют возгорания сухой травы. С этой бедой, разумеется, пытаются бороться. Создают минерализованные полосы вокруг ограждения опасных объектов, выкашивают траву, вырубают мелкий кустарник. Подобные противопожарные мероприятия требуют огромного объема работы, отвлечения на них немалых людских ресурсов и техники. Как правило, ни того, ни другого на военных складах катастрофически не хватает. Очень редко рассматривается вопрос самовозгорания. Небольшие проплешины торфяников способны при температуре +27 - +30 градусов по Цельсию самовоспламеняться. На Камчатке подобное явление было зафиксировано на ракетно-технической базе в поселке Англичанка в 1993 году. Что говорить тогда о регионах с более жарким климатом?
Взрывы, сотрясающие просторы Российской Федерации, будут продолжаться с очевидностью аксиомы. Пока всю подрывную мощь до последней гранаты не упрячут за толстые железобетонные стены хранилищ, мы будем жить, как на пороховой бочке возле костра. Когда и от какой именно искры она рванет, не важно. Главное, мы знаем, что это неизбежно произойдет.
Наше ощущение тревоги – есть отголосок былого советского военного могущества. Нам икается былая военная мощь, заставляя балансировать на гребне взрывной волны.

Вячеслав СКАЛАЦКИЙ.